

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА И МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ В РОССИИ XX ВЕКА.

К 140-летию со дня рождения академика А.С. Лаппо-Данилевского

Юбилей — явный симптом дряхления науки. Что уж говорить об истории, воспринимающей ветхость в качестве возрастающей ценности. Время, проходя сквозь антикварную оптику историков, лишь увеличивает их капитал, добавляя новые приобретения и повышая процентную ставку по уже имеющимся вкладам. Отметить юбилей означает пустить в оборот наличный исторический капитал и тем самым избежать склеротического вырождения науки. Борьба с беспамятством — приоритетная задача истории.

Кажется, мы живем в пору юбилеев. Из-за затмившего все остальное скандалами чиновно-полицейским юбилеем Санкт-Петербурга скромно выглядывают другие «круглые» даты: В.С. Соловьев, Ф.И. Тютчев... На их фоне вовсе затерся еще один — 140 лет со дня рождения академика Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского (1863–1919). Сомнения не было: до юбилея Лаппо-Данилевского нет дела ни пробуждающимся по весне демократическим маразматикам, ни приватизировавшим науку и перешедшим на самообслуживание московским фондам, ни самодовольной академической посредственности, в школьно-административном упоении своим настоящим презирающей минувшее. Организация конференции о Лаппо-Данилевском выглядела делом безнадежным. Бесперспективным казалось и научное наследие Лаппо-Данилевского. Высказанные им идеи давно стали раритетами, а с расфокусированной в постмодернистском многоязычии точки зрения, сменившей марксистскую прямолинейность, они выглядели и вовсе архаичными. После историографической инвентаризации мумифицированные мысли Лаппо-Данилевского были складированы для безмятежного упокоения по томам и архивам. Не менее печальная участь постигла и главное детище университетских стараний Лаппо-Данилевского — методологию истории. Не отстоявшая свой суверенитет, изгнанная из Университета, третируемая бронтозаврами единственно верного учения, она мигрировала в философию истории, потеснив и обругав историсофию, в общую методологию науки, солидарно присоединясь к позитивистскому шельмованию метафизики, мимикрировала в теорию и эпистемологию истории, метонимически скукожилась в источниковедение. Конференция о Лаппо-Данилевском могла быть только поминками о нем. Но замысленное скромно мероприятие неожиданно для самих организаторов разрослось до всероссийского масштаба. По неведомым информационным капиллярам весть о конференции обошла научное сообщество. Геогра-

фия заявок охватила пол-России и перевалила за Урал. На карту лаппо-данилевсковедения помимо Санкт-Петербурга оказались нанесены Сыктывкар и Москва, Самара и Рязань, Волгоград и Омск, Нижний Новгород и Новосибирск, Казань и Ростов-на-Дону, Киев и Екатеринбург. К сожалению, истощенные десятилетним финансовым постом, лишь немногие российские ученые смогли добраться до Санкт-Петербурга.

И вот, 21 апреля 2003 г. в здании Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, в доме 28 по Гражданскому проспекту открылась конференция «Историческая наука и методология истории в России XX века. К 140-летию со дня рождения академика А.С. Лаппо-Данилевского». Из панорамных окон седьмого этажа, где проходила конференция, открывался индустриальный пейзаж большого города. На его фоне рассуждения о философии и методологии истории, о судьбах русской историографии выглядели бедными родственниками прогресса, беззащитными перед технической мощью цивилизации. Ощущение сиротливости и одиночества усиливалось немногочисленностью участников, от чего не спасали даже антидиалектические внушения о примате качества над количеством. Страхи развеяло бодрое приветственное слово директора ИМОП доктора физико-математических наук *Д.Г. Арсеньева* (Санкт-Петербург), пожелавшего участникам конференции успеха и напомнившего о давности традиции преподавания гуманитарных дисциплин в Политехническом институте. Взявший на правах принимающей стороны и председателя оргкомитета первое слово доктор исторических наук *С.Н. Погодин* (Санкт-Петербург) отметил значение исторических и теоретических трудов Лаппо-Данилевского для отечественной науки и, коснувшись основных этапов в изучении его наследия, указал на необходимость преемственности современных исследований с той традицией, к которой принадлежал Лаппо-Данилевский.

По-хозяйски рачительно следующее слово С.Н. Погодин передал другому представителю Политехнического университета кандидату исторических наук *Е.А. Ростовцеву* (Санкт-Петербург), лучшие годы своей жизни посвятившего исследованию творчества Лаппо-Данилевского: Доклад Ростовцева назывался «Наследие А. С. Лаппо-Данилевского в отечественной науке». Выстраивать генеалогическое древо научных потомков Лаппо-Данилевского Ростовцев начал с полемики вокруг первой книги Лаппо-Данилевского «Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований» (1890) и довел историографический обзор судьбы научного наследия академика до настоящего времени. Задача изучения трудов Лаппо-Данилевского, в интерпретации Ростовцева, выглядела пугающе современно: Актуальной представлялась прежде всего модель исторического знания, предложенная и разработанная Лаппо-Данилевским (разбивка на специальные исторические дисциплины, связь между ними, общие философско-эпистемологические контуры истории, ее цели и задачи). Доклад Ростовцева приятно поражал масштабностью и одновременно академической дотошностью исполнения:

Следующим выступил доктор исторических наук *С.П. Рамазанов* (Волгоград) с докладом «Методологические искания отечественной исторической мысли XX века: новации и традиции»: Обнимая широким взглядом профессионала, выхватывающего в историографическом многостраничье лишь важное и существенное для развития методологии истории в России XX в., докладчик представил впечатляющую и концептуально стройную картину: Рамазанов выразил, пожалуй, общий мотив всех последующих выступлений — идею кризиса исторической науки. В этом смысловом параллелизме нашей эпохи и того времени, в котором жил Лаппо-Данилевский, можно усмотреть главную интригу конференции: В начале XX в. кризис был вызван пересмотром позитивистской методологии, альтернативу которой искали в неокантианстве и философии жизни: В конце XX в. кризис оказался спровоцирован отказом от марксистской парадигмы социального знания, на смену которой пришел постмодернизм. В обоих случаях кризис привел к методологической невменяемости, к отказу от объективности как цели исторического познания, что автоматически застав-

ляет усомниться в научной ценности самой историографии. Так, философия жизни, например, утверждает приоритет иррационального в истории. Алогизм делает познание истории невозможным. Столь же беспочвенным, онтологически безродным является и постмодернизм. Исторический релятивизм, представителем которого в России был, например, Р.Ю. Виппер, оказался непопулярен и не получил такого широкого распространения, как в США в 1930 — 1960-е гг. Русские мыслители стремились к обобщению, целостному видению предмета, к систематическому образцу самой исторической науки. Это нашло отражение, с одной стороны, в построении теоретико-методологических оснований истории в духе философии всеединства, а с другой, — в марксизме. И историософия всеединства и марксизм были в свое время выходом из методологического тупика. Но устойчивые ориентации российской методологии истории, т. е. тяга к целостности, сохранились, что, по мнению Рамазанова, позволяет надеяться на скорое преодоление кризиса. Не могу не упомянуть и о прагматике выступления, прекрасно сознавая, что переложить на бумагу смысловую атмосферу не возможно. Немного застенчивая манера придавала докладчику и докладу обаяние неискоренимой интеллигентности.

Тему кризиса продолжил доклад доктора философских наук *Н.М. Дорошенко* (Санкт-Петербург) «А.С. Лаппо-Данилевский — основоположник российской методологии истории». Кризис в исторической науке перекликался с кризисом в естествознании и кризисом власти в России начала XX в. Уже в то время состояние кризиса было вполне очевидно. В своем докладе Дорошенко попыталась проследить, как же разрабатывались теоретико-методологические проблемы до Лаппо-Данилевского, самим Лаппо-Данилевским и в его время, и после Лаппо-Данилевского. Методологический кризис следует понимать как кризис онтологического подхода, т.е. объективизма в исторической науке. Неокантианство в начале XX в. реабилитировало субъективизм в истории, соединило вопрос о возможности истории как науки с разработкой гносеологии истории. История начинает пониматься не как процесс, а как знание об этом процессе. Именно в рамках гносеологии и эпистемологии истории и стала развиваться методология истории. Ее основоположником в России выступил Лаппо-Данилевский, предложивший отличать исторический метод как от естественнонаучного, так и от социологического метода. Его заслугой было новое определение, новое понимание цели, задачи и структуры методологии истории. В первые годы после смерти Лаппо-Данилевского еще появлялись работы методологического характера, но затем на протяжении 40 лет, до 1960-х гг. методологические изыскания практически не проводились. В уверенном, фактологически обоснованном докладе Дорошенко сквозила, тем не менее, обида на игнорирование, а порой и «закрытие» методологических разработок в Санкт-Петербурге.

Исходной точкой доклада кандидата исторических наук *Р.Б. Казакова* (Москва) «Источниковедческие проблемы в историографических курсах А.С. Лаппо-Данилевского» также стало рассуждение о кризисе историографии. Чрезмерный интерес к методологии — явный признак кризиса. В то же время, разработку метода следует воспринимать как заявку на появление науки. В этом смысле методологические искания в начале XX в. — родовые страдания науки истории. Более того, интерес к методологии сопровождает и становление истории как учебной дисциплины. Это хорошо видно на примере историографических курсов Лаппо-Данилевского, в которых история исторической науки предстает как эволюция исторического метода. Новизна подхода Лаппо-Данилевского состояла в том, чтобы не разделять, а объединять методы разных наук. В этом ключе давалось и понимание источника как результата реализованной человеческой психики, что в конце концов приводит к идее единства объекта науки. Человек, индивидуализирующе воздействуя на среду, по существу объединяет естественные и гуманитарные науки. Такой взгляд, несомненно, делает идеи Лаппо-Данилевского очень актуальными, что было заметно даже по заинтересованной, сопереживающей тональности выступления Казакова.

Доклад кандидата исторических наук *П.А. Трибунского* (Рязань) «Материалы об А.С. Лаппо-Данилевском в Российском государственном архиве литературы и искусства»,

напротив, был выполнен в духе прохладного академизма, подчеркнуто отстраненно и неэмоционально. Ровным тихим голосом, от которого веяло покойной архивной атмосферой, Трибунский изложил содержание 14 фондов, в которых удалось обнаружить упоминания о Лаппо-Данилевском. Лаконичный и полный, как каталог, доклад Трибунского вызывал восхищение, какое может вызвать старатель на архивном прииске, намывающий крупинки исторических свидетельств.

Следующий затем доклад кандидата исторических наук *А.В. Свешникова* (Омск) «Образ А.С. Лаппо-Данилевского в творчестве Л.П. Карсавина» представлял собой симпатичную зарисовку интеллектуальных отношений двух историков. Учитывая скудость и односторонность сведений (только упоминания Карсавина о Лаппо-Данилевском), надо признать, что перед докладчиком стояла очень сложная задача. История личных взаимоотношений ученых, приоткрывая коммунальную кухню отечественной науки, всегда интригует: Свешников представил как официальную, так и неофициальную сторону этих отношений: Как обычно бывает, благопристойная на уровне высказываний официальная оценка на деле лишь маскировала подразумеваемое неофициальное мнение. И мнение это, сложившееся у Карсавина о Лаппо-Данилевском как ученом, было далеко не лестным. Расхождение во взглядах объясняется не только разрывом в поколениях, но и разной философской ориентацией двух ученых. Карсавин и Лаппо-Данилевский интересны тем (и в этом их сходство), что каждый из них из истории мигрировал в философию, но это была разная философия:

В докладе кандидата исторических наук *О.Б. Леонтьевой* (Самара) «Субъективная школа в русской мысли конца XIX — начала XX в. и проблема "кризиса позитивизма"» рассматривался контекст, в котором проходили теоретические поиски Лаппо-Данилевского. Крепко сбитый, добротный и обстоятельный доклад Леонтьевой, затрагивая проблему кризиса исторической науки в конце XIX — начале XX в., останавливался на учении так называемой «субъективной школы», основными представителями которой были П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский, Н.И. Кареев, В.В. Лесевич и др. — старшие современники Лаппо-Данилевского: В этом отношении положения субъективной школы были, скорее, той опорой, от которой мог отталкиваться Лаппо-Данилевский: Рассматривая историю этой школы и анализируя ее концепцию, Леонтьева пришла к выводу, что «субъективная школа» занимала своеобразное промежуточное положение между позитивизмом и неокантианством. Именно такое философское зависание позволяло представителям субъективной школы эклектически маневрировать между впадинами философских проблем и рифмами логических противоречий. После каждого такого маневра оставались тонны типографских пояснений, знакомство с которыми способно обесмыслить не одну научную биографию: Топтание же в тихой заводи позитивизма рождало многочисленные повторы — лучшее лекарство от бессонницы: Можно только восхищаться Леонтьевой, мужественно (простите за гендерный оксюморон) осилившей пыльное наследство субъективной школы и с таким изяществом его представившей.

Тезис о принадлежности Н.И. Кареева субъективной школе был оспорен в докладе кандидата исторических наук *В.А. Филимонова* (Сыктывкар) «Н.И. Кареев о соотношении объективного и субъективного в дискурсивной практике историка: эпистемологический аспект». В отечественной историографии Кареев — целый архипелаг, в котором постоянно обнаруживаются ранее неизвестные островки: Остается лишь поражаться тематическому разнообразию кареевских работ. Создается впечатление, что у него, как в известном краю, все есть: Одна из самых пространных частей кареевского наследия — философия истории. На ее-то многотомных просторах и возвел здание своего доклада Филимонов, наделив попутно Кареева титулом основоположника эпистемологии истории: Если в предыдущем докладе проблемы философии истории рассматривались на примере субъективной школы, на фоне которой складывалась методология истории Лаппо-Данилевского, то в живом и пропитанном явной симпатией к своему герою докладе Филимонова Кареев пред-

стал как вполне самостоятельное явление, на периферии которого при телескопическом приближении можно различить методологический астероид Лаппо-Данилевского. Актуальность же обращения к философско-историческим трудам Кареева оправдывалась не только личным интересом — благополучным детищем аспирантского зачатия, — но и объективным авторитетом современности: все тем же кризисом, сменой парадигм, пересмотром теоретико-методологических оснований...

В завершение обзора не от избытка нескромности, а исключительно из тяги к полноте — младшей сестре объективности — упомяну о своем докладе «"Методология истории" А.С. Лаппо-Данилевского в контексте развития русской философии истории». Если широкими мазками попытаться набросать картину развития русской философии истории, то скорее всего выйдет батальная сцена (при ближайшем рассмотрении порой переходящая в ученую свару), первые персонажи которой выступают в костюмах XVIII в. В русской философии истории можно различить два направления: историософское и теоретико-методологическое. Историософия берет начало еще в эпоху Средневековья. Теоретико-методологическое осмысление истории складывается в XVIII в. Только после формирования и обособления этих двух направлений мы можем говорить о появлении в России философии истории, поэтому первые сочинения по философии истории в строгом смысле появляются лишь в XIX в. Каждое направление имеет свои отличительные черты и своих представителей. Наибольшего развития теоретико-методологическое направление получает в так называемой академической философии истории (Н.И. Кареев, Р.Ю. Виппер, В.М. Хвостов, Д.М. Петрушевский и др.), одним из наиболее ярких представителей которого был Лаппо-Данилевский.

На этом завершилась официальная часть конференции «Историческая наука и методология истории в России XX века. К 140-летию со дня рождения академика А.С. Лаппо-Данилевского». После перекура методолобивые участники конференции переместились на хлебосольную кафедру международных отношений, где наукообразные речи сменил застольный жанр.

А.В. Малинов